

Напрасно римское посольство пыталось остановить германцев напоминанием о громадном количестве жителей вечного города. Аларих только посмеялся: «чем гуще трава, тем легче косить!» Когда под страхом голода Рим открыл свои ворота завоевателю, готы обрушились со всею жадностью варваров до сокровищ и три дня грабили столицу мира. Старинной неукротимости римлян не было и в помине; ослабевшее, отвыкшее от оружия население равнодушно отнеслось к разгрому: одни отдавались прожиганию жизни в грубых наслаждениях, другие тупому отчаянию. Лишь немногие, подобно монаху Иерониму, до которого весть дошла в далекий Вифлеем, плакали об участи Рима: «мой голос пресекался, когда я услышал, что покорен город, которому покорялся весь земной шар. Когда погас самый яркий светоч, и голова римской державы отсечена от туловища, когда вместе с Римом погиб весь мир, я поник духом, я уже не вижу нигде добра, меня точно пожирает внутреннее пламя.»

Совершенно иначе отнесся к гибели столицы другой церковный писатель, африканский епископ Августин, для которого Рим; был не лучше, чем грешный Вавилон, осужденный на сожжение. Августин находил в событиях лишь новое подтверждение своей; всры, что государства, составляющие дело рук человеческих, должны неминуемо разрушаться, тогда как Божья, церковная община будет все расти и крепнуть. «Не надо — говорил он — приходить в отчаяние от тяжелых испытаний судьбы. Все равно, как при шатании стен от землетрясения люди быстро спасаются в спокойные места, так христиане, видя разрушение сего мира, должны устремиться к превращению земных богатств в сокровища небесные.»

Аларих умер вскоре после занятия Рима, а его преемник Атаульф заключил с императором соглашение, в силу которого готам предоставлялась югозападная Галлия с главным городом Толозой (нын. Тулуза на реке Гаронне). Увлеченный блеском имперской культуры Атаульф оделся в римский костюм, взял себе в жены захваченную в плен сестру Гонория. Он уверял, что хочет силами готов восстановить прежнюю славу и могущество римской державы. Все эти возвышенные речи не мешали варварам водворяться среди империи полными господами. В северо-восточной Галлии утвердились перешедшие через Рейн франки; в юго-восточной Галлии по р. Роне сели бургунды; визиготы, помимо югозападной Галлии, заняли по другую сторону Пиреней север Испании. Еще раньше них пробилось в Испанию племя вандалов; под начальством предприимчивого и необузданно-жестокго вождя своего Гейзериха вандалы переправились через пролив, отделяющий Испанию от африканского материка и, пройдя мавританским берегом, обрушились на цветущую область Карфагена.

Визиготы и бургунды сели в провинциях империи с согласия Рима, в качестве гостей и сотрапезников, присоединившихся к римским владельцам земель и домов. Другие германцы, напр. ван-